

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**МИГ СЧАСТЬЯ
УСКОЛЬЗАЮЩИЙ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Миг счастья ускользающий : роман / Татьяна Бочарова. – Москва : Эксмо, 2023. – 320 с. – (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-189044-5

Проводив мужа в командировку, а дочерей – в лагерь, Лена остается в городе, чтобы поработать над книгой, однако вдохновения все нет. Чтобы развеяться, она отправляется в гости к подруге, но настроение оказывается испорчено – по дороге какой-то наглый парень клянчит у нее деньги и походя оскорбляет. На обратном пути Лена снова встречает его! Казалось бы, ее обидчик получил по заслугам – парня избивают какие-то отмозжки. Но она не в силах пройти мимо. Лена спасает его и привозит к себе, поддавшись жалости. Денису всего двадцать, он жиголо и с ходу предлагает ей свои услуги. Лена с негодованием отказывается, не зная, что эта случайная встреча запустит череду странных и пугающих событий в ее жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189044-5

© Бочарова Т., 2023
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023

1.

— Граждане пассажиры, поезд отправляется через пять минут. Провожаящих просим выйти из вагона. — Голос проводницы был тусклым и усталым, как и ее лицо, нездорового, землистого цвета, с набрякшими нижними веками и почти без следов косметики.

Поглядев на нее, Лена подумала, что у бедняжки явные нелады с почками, а еще, наверное, сердце пошаливает. Немудрено, в такую-то жару!

Фирменный поезд «Москва — Хельсинки» сверкающей змеей протянулся вдоль пыльного перрона. У тамбуров толпился народ, спеша попасть внутрь.

Виктор взглянул на часы и деловито произнес:

— Ладно, будем прощаться.

Лена кивнула:

— Успехов тебе. Надеюсь, все выйдет так, как ты хочешь.

— И я надеюсь, — серьезно проговорил он. Помолчал немного, потом сдержанно улыбнулся: — Интересно, как финны будут изображать на сцене русских богатырей?

— Очень интересно, — со смехом согласилась Лена. — Но, однако же, они знали, на что шли, — твоя опера называется «Биль о былине».

— То-то и оно, — озабоченно подхватил Виктор, — и им это очень понравилось. Так что карты в руки уважаемым финским коллегам. Возможно, «Биль» окажется весьма оригинальной

постановкой. Во всяком случае, мне не терпится взяться за работу как можно скорей.

— Возьмись. — Лена потянулась к мужу, чмокнула его в щеку. Тот легонько обнял ее и покосился на проводницу, уже стоящую на подножке.

— Звонить буду, как договорились. Девчонкам от меня привет. А главное, не скучай.

— Что ты! — бодро возразила Лена. — Какая скука? Я собираюсь работать, так же как и ты.

— Имеешь в виду книгу? — Виктор скептически поджал губы. — Ну-ну, попробуй. В одиночестве часто приходит вдохновение...

Под брюхом вагона угрожающе зашипело. Проводница вытерла платочком блестящий от пота лоб, лицо ее слегка оживилось.

— Граждане пассажиры, займите свои места. Мы отправляемся.

— Все, пока. — Виктор коснулся губами Лениного виска, потом осторожно отстранил ее от себя и легко запрыгнул на подножку.

Лена смотрела на его коренастую, ладно сбитую фигуру в легких летних брюках и светлой рубашке с короткими рукавами и чувствовала, как ее охватывает непонятное раздражение. Чтобы подавить его, она сделала пару глубоких вдохов и изобразила на лице улыбку.

Жара. От этого, наверное, и апатия, и ощущение разбитости, подавленности. Лене вдруг отчаянно захотелось выпить ледяного молока, из холодильника, залпом, прямо из пакета. Она судорожно сглотнула.

Состав слабо, почти незаметно вздрогнул и поплыл мимо платформы. Толпа провожающих сорвалась с места. Лена точно очнулась от забытья и неловко, боком заспешила вслед за вагоном, по-детски вскинув ладонь.

— Леся! — прокричал Виктор, высовываясь из-за спины проводницы. — Вообще-то это глупость, что ты остаешься совсем одна! Нужно было уговорить тебя ехать, заставить...

Проводница, обернувшись к нему, проговорила что-то резкое, судя по мимике, и потянулась закрыть дверь. Виктор осторожно придержал ее руку.

— Созвонимся. Билет можно достать в любую минуту. Советую хорошенько подумать насчет этого.

Лена на ходу кивала, уже не поспевая за набирающим скорость поездом. Потом она остановилась, глядя на ускользящий, отливающий серебристым блеском хвост.

Стук колес стих, в расплавленном, душном воздухе повисла тишина. Народ, разморенный зноем, медленно растекался с платформы.

Лена немного постояла, взглядываясь в даль, туда, где растворился поезд, потом побрела к выходу.

По дороге ей попалась продуктовая палатка. Лена расстегнула было сумочку, намереваясь взять банку холодной колы, но передумала. Нечего травиться всякой гадостью, не умрет она, если дотерпит до дому.

Спускаться в метро не было никакого смысла — от Ленинградского вокзала до Шестой Парковой, где жила Лена, напрямиком шли троллейбус и маршрутка. Конечно, поездка наземным транспортом требовала немного больше времени, зато никакой суеты, хлопот и пересадок — сел себе и гляди в окно до самого дома.

На маршрутку стоял приличный хвост, а троллейбус заворачивал из-под моста почти пустым.

Лена зашла в салон, села на теневую сторону, пошире отодвинула уже наполовину открытое стекло, удобно откинулась на спинку и попыталась прогнать неизвестно откуда навалившуюся хандру.

В чем дело? Какая муха ее укусила? Ведь все происходит так, как она хотела. Виктор написал новую оперу, его пригласил хель-

синкский театр для постановки, она могла поехать с мужем, но осталась. Двумя днями раньше отправила дочерей в спортивный лагерь и предпочла остаться одна на целый месяц.

Зачем? Ответ Лена отлично знала. Он ждал ее дома, в их с Виктором спальне, одновременно являющейся и рабочим кабинетом. В памяти компьютера хранилась рукопись книги, без малого уже три года, терпеливо ожидая, когда же автор найдет в себе силы закончить работу. Эту рукопись Лена втайне от всех давно привыкла считать главным, что есть у нее в жизни.

Если бы кто-то сумел заглянуть в ее мысли, то был бы немало удивлен, что львиную долю занимает вовсе не образцовая семья — муж, с которым она прожила почти семнадцать лет, дети, симпатичные и общительные девочки-подростки, домашнее хозяйство, которое непременно должно обременять голову любой добропорядочной женщины.

Основная часть этих мыслей принадлежала практически никому не известному и прочно забытому потомками Аполлинарию Феофанову, чудаковатому, нескладному и невезучему гению, жившему в Москве в конце восемнадцатого века и, подобно великому Леонардо, писавшему удивительные стихи, загадочные картины и научные труды, опережающие свою эпоху.

В музее Феофанова, крошечном старинном особнячке, при тулившемся за новыми высотными зданиями, Лена работала десятый год — с тех самых пор, как разругалась вдрызг с заведующим кафедрой искусствоведения, на которой ее, отличницу и красnodипломницу, оставили после окончания университета. Кусая губы от ярости, она накатала заявление и сунула ему под нос. Завкафедрой, не глядя, отпер сейф, вынул трудовую книжку, шлепнул в нее печать, швырнул на стол. Лена схватила ее дрожащими руками, запихнула в сумочку и, грохнув дверь, вылетела из кабинета.

Ей было двадцать пять, и любая несправедливость казалась тогда чем-то вроде стихийного бедствия — пожара, наводнения,

землетрясения. Хотелось бороться, грудью броситься на амбразуру, доказать обидчику, что тот не прав.

Дома Виктор выслушал сбивчивый и эмоциональный рассказ и скептически покачал головой.

— Что? — Лена округлила наивные, серые глаза. — Разве я неправильно поступила? Нужно было терпеть этого идиота и тот маразм, который он пытается выдать за научный взгляд?

— Как тебе сказать? — Виктор грустно усмехнулся и, обняв Лену, посадил себе на колени.

— Так и скажи! — резко потребовала она.

— На мой взгляд, ты все сделала верно. Твой руководитель и впрямь придурок, каких мало, достаточно почитать его публикации. Но... — Виктор тихонько вздохнул и погладил Лену по голове.

— Но? — тихо повторила она.

— Где ты будешь искать работу, солнышко? Я имею в виду, такую, как на кафедре?

Лена растерянно смотрела на мужа. Если говорить начистоту, во время ссоры с шефом она меньше всего думала о том, что ей предстоит новое трудоустройство. Это казалось незначительной мелочью, пустяком по сравнению с теми великолепными обличительными словами, которые складно срывались с ее губ и летели напрямик в лицо завкафедрой.

— Найду что-нибудь, — наконец не очень уверенно произнесла она.

— Вот именно — что-нибудь. — Виктор выразительно хмыкнул. — Пойми, милая моя, вас, искусствоведов много, гораздо больше, чем художественных ценностей, которые надо представлять и описывать.

Насколько муж был прав, Лена поняла всего через месяц, изучив весь телефонный справочник от корки до корки и обзвонив не менее трех десятков музеев и выставочных залов. Нигде не требовались ее услуги, насиженные и теплые рабочие места

были прочно заняты. Ничего не оставалось, как пойти в школу преподавать мировую художественную культуру. И тут, словно по заказу, позвонила Тамара.

Они с Леной не общались с самой защиты диплома. Собственно, они никогда тесно не общались и не были подругами — так, просто однокурсницами. У отличницы Лены была своя компания, у троечницы Томки — своя. Иногда их интересы пересекались, и тогда оказывалось, что с Томкой есть о чем поболтать — несмотря на свои хвосты, она довольно сообразительная и продвинутая девчонка. Но такое случалось лишь изредка.

Теперь Томка звонила и приглашала Лену сотрудником к себе в музей. Оказывается, она уже полтора года работала в доме-музее какого-то не то поэта, не то изобретателя, о котором большинство москвичей и слыхом не слыхали, но сама Томка считала очень талантливым и интересным.

— Нам нужны люди, — щебетала она в трубку, — увлеченные, такие, как ты. Подъезжай завтра к одиннадцати, будет наш директор, Семен Ильич. Классный дядька, познакомишься с ним, согласишься экспонаты.

Лена слушала, и ее захлестывало любопытство. Кто такой, этот Феофанов? Почему она о нем ничего не знает? Да что она — даже в справочнике нет координат Томкиного музея.

— Я приеду, — твердо пообещала она.

Виктор к Лениной затее отнесся с насмешкой и недоверием.

— Зачем тебе эта левая контора? Что за неведомый миру Кулибин? Сейчас на старинные особняки особый спрос, не сегодня завтра ваш музей разгонят к чертовой бабушке.

Если бы только Лена могла представить, насколько пророческими окажутся его слова! Но для этого нужно было бы забежать на десять лет вперед. А тогда... тогда она лишь передернула плечиками и полезла доставать из шкафа деловой костюм.

Особнячок действительно оказался старинным, давно требующим реставрации. Обшарпанные стены украшала замысло-

ватая лепнина, у входа высились три полуразрушенные готические колонны.

Лена толкнула скрипучую тяжелую дверь и очутилась в темном и тесном вестибюле, насквозь пропитанном восхитительным запахом древней, вековой пыли. В зарешеченное окошко под самым потолком проглядывал озорной солнечный луч, освещающий край противоположной стены с отлетевшей штукатуркой.

Почти вплотную к двери стоял столик на гнутых тонких ножках, за ним сидела сухопарая старуха с неподвижным маловыразительным лицом.

— На экскурсию? — хриплым вороньим голосом поинтересовалась она у Лены.

— Мне нужна Тамара Комарова.

— Она в зале, — каркнула старуха и ткнула узловатым, корявым пальцем куда-то вбок.

Лена едва углядела в темноте другую дверь и двинулась было к ней, но вахтерша строго окликнула:

— Куда в грязной обуви? Тапочки возьми, там, в сундуке.

Лена, стыдясь собственного легкомыслия, кивнула, вытащила из деревянного ящика матерчатые музейные тапки с тесемками, надела их поверх ботинок.

В это время в вестибюле появилась Тамара.

— Пришла? — обрадовалась она. — Семен Ильич уже ждет. Идем быстрее.

По контрасту с почти лишенным света вестибюлем зал буквально ослепил Лену. Вокруг все было белоснежным — стены, потолок, даже пол, покрытый домоткаными половиками. Витрины блестели отполированными стеклами, два угла были пусты, остальные занимали тяжеловесный дубовый шифоньер и старенькая, допотопная фисгармония.

— Ну как? — спросила Тамара, выждав пару минут, пока Лена в восхищении оглядывалась по сторонам.

— Замечательно, — искренне призналась та. — И такая чистота!

— Стараемся, — со скромной гордостью произнесла Тамара, — правда, Семен Ильич?

Тут только Лена заметила притаившегося за стенкой шифоньера маленького лысоватого человечка, до ужаса напоминавшего гнома. Для полного сходства не хватало лишь колпачка, зато налицо были огромный нос картофелиной, длинная пегая борода и огромные, нелепые носки штиблет.

«Как в сказке», — подумала Лена, чувствуя, что ее наполняет необычное, волшебное ощущение теплоты и покоя, будто она неспостижимым образом вернулась в детство.

Смешной, похожий на гнома человечек кашлянул, потерял бороду и шагнул Лене навстречу.

— Здравствуйте!

Голос у него был приятный, бархатистого тембра, слегка грассирующий.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Лена и протянула гному руку. Тот аккуратно пожал ее маленькими, кукольными пальцами.

— Вы Елена Владимировна, если не ошибаюсь?

— Да.

— Очень приятно. Меня зовут Семен Ильич. Я директор музея. Нравится вам у нас?

— Нравится, — кивнула Лена.

— Вы ходите по залу, посмотрите экспозицию. Эта трагическая личность, наш Аполлинарий, еще одно доказательство, как порой бывает несправедлива жизнь и история. Поглядите внимательней. — Директор мягко, но настойчиво взял Лену под локоть и повлек за собой к одной из витрин. — Вот, тут стихи. Все очень хорошо сохранилось. Гляньте, какой почерк! А содержание! Разве так писали в тысяча семьсот втором году? Писали, я спрашиваю?

— Нет, не писали, — согласилась Лена, прочитав стихотворение.

— Вот именно, — с жаром проговорил Семен Ильич. — А еще я вам доложу, что эту фисгармонию Феофанов смастерил сам, по собственным чертежам. Как и уникальный диапроектор, который хранится в шкафу, и многое другое.

Тамара стояла в сторонке, старательно пряча улыбку, и время от времени подмигивала Лене. Та ходила вслед за Семеном Ильичом от витрины к витрине и уже не сомневалась, что будет здесь работать.

Пусть о Феофанове никто не знает, экспозиция занимает всего один зал, а в штате музея лишь шесть человек, включая сидящую на вахте суровую старушеницу, — это ее место. И она сумеет сделать его интересным и любимым...

...Лена глянула в окно и с удивлением обнаружила, что почти приехала, троллейбус уже катил мимо Парковых улиц. Это значило, что ее воспоминания заняли не меньше получаса. Зато настроение улучшилось, на душе стало веселее.

Сейчас она доберется до дому, перво-наперво осуществит свою мечту о холодном молоке, затем примет душ и сядет за компьютер.

За те десять лет, что Лена проработала в музее, она изучила и жизнь, и творчество Феофанова досконально. И поняла — о нем должны узнать люди.

Как этого добиться? Очень просто — написать книгу, в которой день за днем, час за часом отобразить биографию Аполлинария, дать характеристику каждому из его уникальных произведений, сделав это в легкой и доступной для неискушенного читателя форме.

Особенно актуальным это стало теперь, когда, как и пророчествовал Виктор, на особняк положил глаз кто-то из местных фирмачей, музеем грозит ликвидация, а всех сотрудников спешным порядком отправили в принудительный отпуск.

Лена вспомнила сморщенное, точно от зубной боли, лицо Семена Ильича в тот момент, когда он сообщал сотрудникам жуткое известие, и вздохнула. Неужели им суждено потерять здание? Лучше уж не думать об этом, надеяться, что все обойдется. На прошлой неделе коллектив написал письмо в мэрию с просьбой не уничтожать уникальный памятник старины. Ответ должен прийти со дня на день, может быть, уже пришел. Нужно будет позвонить Тамаре — она всегда в курсе дел...

...Троллейбус плавно затормозил. Лена поспешно поднялась и вышла.

До дому от остановки было рукой подать, но ей почему-то показалось, что прошла целая вечность, пока она наконец очутилась у дверей своей квартиры. «Жара», — в который раз за сегодняшний день мелькнуло в голове.

В прихожей было душно, приторно пахло духами, нечаянно разлитыми перед отъездом на вокзал.

Лена скинула тесные босоножки и с наслаждением прошлепала босиком по прохладным кафельным плиткам в кухню. Настежь распахнула холодильник, достала нераспечатанный пакет молока, аккуратно срезала ножом уголок.

Боже, как хорошо! Теперь в душ и за работу.

Через полчаса она уже сидела в спальне за столом. На ней был коротенький атласный халатик без рукавов, мокрые волосы укутывал тюрбан из полотенца. Рядом с компьютером стоял все тот же, заметно похудевший, пакет с молоком.

Лена сосредоточенно поглядывала на экран, пальцы деловито бегали по клавишам. Она твердо решила, что не встанет с места, пока не закончит главу.

Собственно, Лена давным-давно знала каждое слово в этой главе. Иногда, возвращаясь вечером с работы или идя из магазина, она полупшепотом декламировала текст, который нужно впоследствии перенести на экран компьютера. Получалось красиво, логично и стройно — Лена даже удивлялась той лег-

кости, с которой возникают у нее в голове предложения и фразы.

Однако стоило ей добраться до дому и сесть за стол, на нее точно ступор находил. Все придуманное тут же напрочь улетучивалось из памяти, оставались лишь сухие, скучные и корявые обрывки недавнего литературного великолетия.

Лена мучилась, кусала губы, безжалостно стирала абзац за абзацем, пока наконец в комнату не заглядывали Виктор или девчонки с какой-нибудь просьбой. Тогда она с чистой совестью закрывала файл и шла заниматься хозяйством, так и не завершив злополучной главы.

Увы, сегодняшний вечер не стал исключением, несмотря на то что отвлекать Лену было абсолютно некому – в пустой квартире царил мертвая тишина.

Все же Лена со страшным скрипом вытянула из себя с десятков страниц. Она просидела за компьютером три с половиной часа, пока не почувствовала себя полностью обескровленной, уставшей до предела.

Молочный пакет на столе сиротливо скукожился, за окном начало темнеть. Лена потянулась, разминая затекшую спину и плечи, на минутку прикрыла глаза и тут же услышала резкий телефонный звонок.

«Томка, наверное, – вяло решила она, – а может быть, девчонки. Хотя нет, звонок явно не междугородний».

Лена тяжело поднялась, вышла в прихожую, где висел аппарат, взяла трубку.

– Ленусик, это я!

Это действительно была Тамара, и Лена вспомнила, что сама намеревалась позвонить ей, как только освободится.

– Привет. Как дела? Что-нибудь выяснилось насчет письма?

– Пока ничего. Ты-то как? Проводила Витюшу?

– Да.

– Все в порядке?

— Вроде бы. — Лена покосилась на приоткрытую дверь в спальню.

— А чем занимаешься? Небось наслаждаешься полной свободой, ловишь кайф? — Томка захохотала.

Лена невольно улыбнулась.

— Почти. Пытаюсь продолжить книгу.

— Ну и как успехи? — полюбопытствовала Тамара.

— Кажется, оставляют желать лучшего, — честно призналась она.

— Пора тебе уже завершить свой труд. У меня руки чешутся его отредактировать.

— Шустрая какая, — засмеялась Лена. — Я еще только на середине. — Она немного помолчала и добавила серьезно: — Если честно, Том, белиберда какая-то выходит.

— Почему белиберда? — удивилась та.

— Сама не знаю. — Лена тяжело вздохнула. — Настроение поганое. В голове ни одной умной мысли.

В трубке на пару мгновений повисла тишина. Затем Томка неуверенно предположила:

— Может, ты это... по Виктору скучаешь? Ну, переживаешь, что он уехал без тебя?

— Да что ты! Я же сама отказалась. Специально, чтобы писать. И потом, он же не первый раз уезжает, я давно к этому привыкла.

— Тогда не знаю, — недовольно произнесла Тамара, — но советую с книгой не тянуть. Кажется, это скоро будет единственным, что останется от Феофанова.

Лена почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

— Ты шутишь? Неужели все так плохо?

— Ой, не знаю. — Голос подруги дрогнул. — Я сегодня Семени Ильичу звонила, тот абсолютно никакой. Давление поднялось, еле говорит. Кто-то из знакомых чиновников ему сообщил, что, дескать, дело уже проиграно — все бумаги давно подписаны, а бабки уплачены.

— Но ведь официального ответа нет, — не сдавалась Лена.

— Ну нет, — с неохотой согласилась Томка, — только вот предчувствия у меня самые что ни на есть мрачные.

— Ладно, — решительно проговорила Лена, — не будем о предчувствиях. Пойду я, Том, у меня компьютер включен. Может, нацеху еще пару страничек.

— Иди, цеди, — разрешила Тамара, — завтра утром созвонимся.

— Целую. — Лена положила трубку, прошла в комнату, снова уселась за стол. Прокрутила вновь написанные страницы в обратном порядке. Устроилась поудобней и впилась взглядом в экран.

«...В восемнадцать лет к Аполлинарию пришла первая любовь. Ее звали Грушенька, Аграфена Петровна Лушникова. Она была дочерью Петра Павловича Лушника, полковника гвардии. Феофанов в ту пору только поступил в университет, а параллельно с этим увлекался живописью, писал портреты знакомых и друзей. Работы его отличались удивительной точностью, как-то незаметно пошла слава о нем как о хорошем портретисте. Родители Грушеньки попросили Аполлинария нарисовать их дочь.

Двадцатидолетняя Аграфена слыла записной московской красавицей, на балах, по-тогдашнему ассамблеях, у нее от кавалеров отбоя не было. Темные вьющиеся волосы, черные как ночь глаза, яркий рот, атласно-белая кожа. Аполлинарий увидел ее и обомлел. Потом, когда первый сеанс был окончен, он писал в своем дневнике: «Ангел снизошел ко мне... Нет. Сие есть диавол, ибо предчувствую гибельность нашей встречи. Разбьет сердце, власно сосуд хрупкий, безделушку пустую. Огонь сжигает главу, за окном ночь, но жду расвета зело, понеже о н а придет. Имя ей — дурман, облик — божествен. Ей отныне вельми принадлежит живот мой».

Грушенька быстро поняла, что юный живописец влюбился в нее до самозабвения. Его чувства были ей забавны — Аполлинарий не отличался ни красотой, ни сложением, был нескладный и робкий, да еще

заметно косил на правый глаз. О том, чтобы рассматривать его в качестве жениха, и речи не шло — Феофанов был мещанином, Грушенька — потомственной дворянкой. И все-таки они сошлись: коварной и самовлюбленной Лушиковой захотелось потешить себя, жаль было отказываться от столь пылкого и страстного обожателя.

Аполлинарий был счастлив. Он бросил к ногам Грушеньки все, что имел: делал ей дорогие подарки, сочинял оды в ее честь, трижды переписал заказанный ему портрет. Петру Павловичу, кстати, работа Феофанова не понравилась: он нашел, что автор изобразил его дочь слишком похоже, а в те времена принято было приукрашивать рисунок по сравнению с оригиналом. Зато Грушенька, увидев свой портрет, пришла в восторг. Художник был вознагражден сразу несколькими подряд тайными свиданиями.

Постепенно увлечение Феофанова Лушиковой перерастало в манию. Он перестал есть и спать, сидел дома и ждал весточки от любовницы. Но той быстро наскучило общение с неопытным и романтичным юношей. К тому же настала пора выбирать жениха. К Аграфене посватался некто Дехтярев, богатый и блестящий дворянин, любимец высшего света. Аполлинарий, узнав, что возлюбленная выходит замуж и уезжает в Петербург, а оттуда в Париж, хотел наложить на себя руки. Его спас вовремя пришедший приятель по университету.

Феофанов решил бороться с собой: сжег половину стихов, посвященных Грушеньке, изрезал ножом холсты с другими ее портретами. А после сочинил новые стихи и пытался по памяти восстановить рисунки.

Лишь через два года ему удалось полностью излечиться от своей трагической и роковой привязанности, но его душа уже была необратимо изранена, а вера в людей пошатнулась...»

...Лена читала абзац за абзацем, страницу за страницей, и ею овладевала черная тоска.

Не то, все не то! Чушь какая-то. О чем она пишет? О маленьком, незаметном человеке, который два века назад сидел в своем доме, в полном одиночестве, никем не понятый, не оцененный,

и пытался выразить себя через искусство. Сочинял, писал картины, конструировал музыкальные инструменты — и надеялся, что его творчество найдет отклик в душах людей, если не современников, то хотя бы потомков.

Но он жестоко ошибался. Прошло два столетия, о нем так никто и не вспомнил, кроме горстки людей, случайно соприкоснувшихся с удивительным миром его фантазий и грез и оказавшихся добровольными пленниками этого мира.

Эта книга прежде всего о человеческих чувствах, о боли и горечи, бесконечных поисках истины, моментах гениального прозрения, вере и надежде. Так откуда же этот сухой, занудный тон, мертвый и тусклый язык? Точно теорема с целой уймой доказательств, следствий и дополнений.

Лена с остервенением надавила на клавишу, уничтожая свой многочасовой труд. Нет, не выйдет из нее писательницы, даже одну-единственную книгу ей не закончить. Нечего и время тратить, лучше заняться чем-то дельным.

Она выключила компьютер, отнесла пустой пакет в мусорное ведро, вымыла пару чашек, оставшихся с утра в мойке, тщательно подмела и без того чистый пол. Полила из кружки крупную бархатистую фиалку, стоящую на холодильнике, и в нерешительности застыла посреди кухни.

Что все-таки, черт возьми, с ней происходит? Откуда это отвратительное состояние тоски и опустошенности? Днем Лене показалось, что оно прошло, но нет — сейчас она чувствует себя еще хуже, чем по пути с вокзала.

Неужели Томка права и Лена переживает расставание с Виктором? Нет, глупости, дело не в этом, а в другом — в чем она не желает признаться даже себе самой, упорно прогоняя прочь запретные мысли.

Так не пора ли раскрыть карты и взглянуть наконец правде в глаза? Совсе не разлука с мужем печалит Лену, ее угнетает то, как они расстались. Стоя на перроне, избегали смотреть друг

другу в глаза, вели пустой, никому не нужный разговор, холодный и небрежный поцелуй на прощанье.

Еще несколько лет назад все было иначе — страстные взгляды, нежные слова, жаркие объятия. Да что там, раньше бы Лена непременно воспользовалась приглашением Виктора и поехала с ним, наплевав на все свои дела. Если уж быть до конца откровенной, то и дела она себе выискивает от тоски и одиночества.

В последнее время жизнь стала пресной и пустой, как несоленый, постный суп. Девчонки выросли: Ритке уже шестнадцать, Валюшке осенью будет четырнадцать. У них свои интесесы, свои секреты. Уроки сделают — и исчезают, а вернутся — запрутся у себя в комнатушке и шепчутся, хихикают.

Нет, Лена и не думает роптать, отношения у нее с дочерьми самые дружеские, да только не нужна она им больше двадцать четыре часа в сутки, как бывало, когда они были маленькими.

И Виктору не нужна. У него работа, партитуры, голоса, он вечно или за синтезатором, или корпит над нотным листом. Увидит Лену — улыбнется, глянет рассеянно — и снова к своим закорючкам и скрипичным ключам.

Вот Лена и придумала себе Феофанова, спряталась за его тщедушную, худую спину, существует в вымышленном мире, который вот-вот рухнет, оставив ее лицом к лицу с суровой правдой жизни...

...Она тронула давно просохшие волосы и медленно подошла к стоящему в прихожей зеркальному шкафу-купе, пристально взгляделась в свое отражение.

Вот они, все ее тридцать пять, видны как на ладони. Губы поблекли, в уголках глаз «гусиные лапки», а главное, сами они пустые, потухшие. Кто станет смотреть на женщину с такими глазами? Никто! Еще пять-семь лет — и она превратится в законченную старуху, в то время как другие к сорока годам расцветают заново.

А дуреха Томка ей еще завидует, считает, что они с Виктором — идеальная пара, потому, мол, что почти никогда не ссорятся и друг другу не изменяют. Знала бы она, как Лене иногда хочется очутиться на месте подруги, и пусть бы они с мужем лаялись, как Томка со своим Жекой. Зато потом, ночью, у них было бы нежное примирение и любовь, любовь... Эх!

Лена легонько помассировала щеки и лоб кончиками пальцев, добиваясь, чтобы кожа хоть немного порозовела, затем намазала веки кремом и отправилась разбирать постель.

2.

Рано утром ее разбудил телефонный звонок.

— Мам! — весело проверещал далекий голосок Ритки. — Ты спишь?

— Нет, не сплю. — Лена старательно откашлялась, прогоняя утреннюю осиплость. — Как вы там?

— Отлично! Погода — супер, море теплущее! И каждый вечер дискотека до полдвенадцатого!

— Дискотека — это здорово, — с улыбкой согласилась Лена. — Вы только смотрите не перекупайтесь в первые же дни, а то потом сляжете на всю смену.

— Не сляжем, — горячо заверила Ритка. — Здесь за нами о-го-го как следят. В воде десять минут, а потом солнечные ванны. Мама! — Она слегка понизила голос и восторженно сообщила: — Представляешь, тут за Валюхой один кадр ухлестывает, ну просто отпад. Гришей зовут.

— Приличный хоть? — обеспокоилась Лена. — А то поматросит да и бросит. И вообще, рано ей еще кавалеров заводить, следи давай за сестрой!

— Я слежу, — со смехом проговорила Ритка. — Вы-то там как? Уехал папа?

— Уехал.

— Значит, ты, бедненькая, совсем одна. Скучаешь?

Лена подавила вздох.

— Скучаю. Особенно по вам.

— Не надо, — убежденно произнесла Ритка. — Нам очень-очень хорошо, правда. А как твой музей?

— Пока никак. Ждем решения мэрии.

— Ясно. — Ритка сделала секундную паузу, потом осторожно спросила: — Мамуль, а если вас все же... ну... я имею в виду — выселят, как же экспонаты?

— Не знаю, Ритуль, — честно призналась Лена. — Новым хозяевам они вряд ли понадобятся. Значит, распределим по сотрудникам.

— То есть к себе домой? — обрадовалась та.

— Да, — коротко ответила Лена, не желая обсуждать с дочерью болезненную тему, — давай не будем об этом. Особенно сейчас, по междугороднему телефону.

— Давай, — согласилась Ритка, — только обещаю, что возьмешь к нам «Миг счастья...». Возьмешь?

— Хорошо.

— Ну, пока!

Не успела Лена опомниться, как в ухо ударили короткие гудки. Она растерянно поглядела на трубку, которую продолжала сжимать в руке, затем повесила ее на рычаг. Вернулась в спальню, села на кровать.

Сквозь плотно сдвинутые жалюзи в комнату светило яркое и знойное июльское солнце. Лена вдруг отчетливо вспомнила, что в тот день тоже было солнечно, хотя на улице едва начался март...

...Под ногами чавкала серая каша из подтаявшего снега и грязи. Лена осторожно обходила глубокие лужи, опасаясь промочить ноги — она совсем недавно переболела ангиной.

У высокой чугунной, местами проржавевшей ограды ее ждала Тамара.